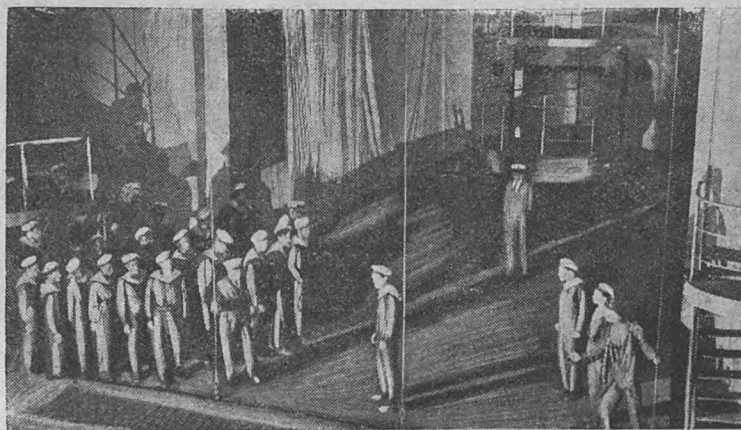

Театр ВЦСПС. „Матросы из Катарро“. 3-й акт

За 25 лет работы на театре в качестве актера, режиссера, педагога и художественного руководителя театра Дикий прошел через бурные испытательные и значительные творческие этапы. Принципиальность не покидает его никогда. Он верен себе—этот неугомонный, неистовейший, искрометный мастер, верен своему творческому методу и верен непрерывным отступлениям от пережитков и консервативных традиций МХАТ'а, верен своей палитре ярких красок, великолепной театральности своей сценической живописи, графике и скульптуре композиции спектакля. **Независимость мысли**—вот что определяет натуру Дикого. Нигде и никогда он не теряет себя. И зря воздыхают опекуны его таланта, когда боятся за него, что он потеряет свое лицо в Малом театре, ассимилируется в том или другом чужеродном театральном организме.

Дикий—цельный органичный художник.

В его скачках и зигзагах—своя лукавая последовательность. В его разбросанности—своя сосредоточенность. По крезовски щедро, подобно Вахтангову, он

разбрасывает актерам свои эскизы сценических образов. Щедро играет на репетициях, но играет так, что у актера возникает новый стимул фантазировать и создавать свой образ. Дикий затрудняет актера показом образа, который он должен найти, родить, воспроизвести. И в этой способности затруднять—искусство активно и энергично воодушевлять и направлять актерское творчество. Как и Вахтангов, Дикий прежде всего изумительный актер. Театр, нашедший в нем мастера режиссуры, теряет от того, что он сам непосредственно не играет образы спектакля перед зрителем. Зрители Дикого-актера—одни только актеры. Это благодарная и восприимчивая аудитория, умеющая ловить находчивый намек на легу и реагировать бурно, радостно, взволнованно на яркую игру режиссера-актера. Возможно, что репетиции Дикого, как и репетиции Вахтангова и Мейерхольда, могли бы иметь успех заразных спектаклей у широкой театральной аудитории.

„Зеленый попугай“ в подвале одного из Арбатских переулков

б. Шалыпин. Студии—режиссерский дебют Дикого. „Интермедии“ Сервантеса в его мастерской заставляют вспоминать об этих ранних режиссерских шагах. Творческое полнокровие художника, бурная жизнерадостность, бесстрашие острых сценических приемов чувствовались уже и тогда в постановке пьесы Шницлера. Действительность и вымысел, быт и игра героев сливались в кабачке трактирщика под грохот выстрелов Французской революции. Игра и действительность и сейчас скрещиваются в театре Дикого.

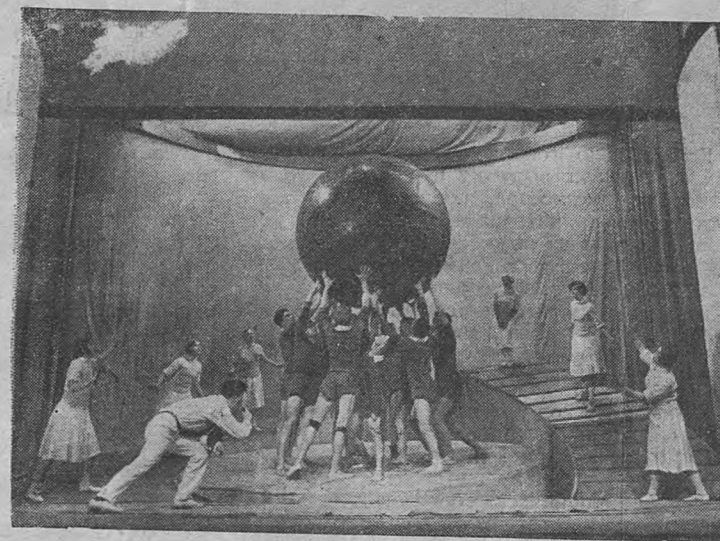
„Блоха“ по Лескову в МХТ 2—недооцененный спектакль. „Блоха“ подсказывала форму балаганного лицедейства. Лицедейство актеров-импровизаторов оправдывалось буффонным решением лесковской повести-сказки. Народная площадность представления Дикого и художника Кустодиева—современный спектакль.

„Любовь к трем апельсинам“ Сергея Прокофьева по канве сказки Карло Гоцци послужила поводом для сценического карнавала. Карнавал масок: головастики, обжор, лириков, докторов, поэтов, пьяниц, акробатов заполнил заскучавшую по смелым формам сцену Большого театра.

Спектакли: „Человек с портфелем“ Файко, „Первая конная“ Вишневого, „Матросы из Катарро“ Ф. Вольфа и теперь „Глухая провинция“ М. Светлова решены Диким с чутьем режиссера, живущим всей полнотой своего времени.

Опущенный красный флаг на корабле после програнного революционного восстания напоминал зрителю в „Матросах из Катарро“ о том, что пролетариат будет строить баррикады в капиталистических странах.

Образом Гоги—мальчугана эмигранта—Дикий помогал драматургу Файко и актрисе Баба-новой раскрыть весь трагизм подростка, оторванного от своей

Театр ВЦСПС. „Девушки нашей страны“. 4-й акт

советской родины и ее борьбы за социалистическую жизнь.

„Первую конную“ Дикий ощущал, как оду мужественной Красной армии, родившейся в окопах и траншеях мировой и гражданской войн.

„Праздник в Касриловке“ и „Золотискатели“ Шолом-Алейхема, „Корона Давида“ Кальдерона—спектакли, которые Дикий осуществил в еврейских театрах, доказав в них, как он угадывает национальную форму, язык, мысль, психику. И здесь примечательна трактовка драматургического материала. Золотискатели удивляли тем, что они искали клад там, где меньше всего можно было бы предположить его существование. В „Короне Давида“ мудрый Соломон обнаруживал хитрость и лукавство старика, а праведность Давида подвергалась разоблачению.

В „Касриловке“ навсегда запомнилась сцена томительной проповеди раввина на площадке, озадаченной его слушающими. Уходящие, ускользающие от глаз раввина руки и ноги, головы и туловища слушателей были строго индивидуализированы в зависимости от характера образа персонажа. Даже тогда, когда все уже давно пробежалось, раввин долго произносил свою никому не нужную речь в пустыне безлюдного круга. Так озорством издевки над раввином Дикий до предела доводил остроту своего сатирического жала.

В „Матросах из Катарро“ каждый матрос, колеблясь и сомневаясь—какой из двух лаге-

рей ему выбрать, переходит шагами уверенного мужества в лагерь осужденного на расстрел ревлюционного бойца.

Стремление индивидуализировать даже участников массовых сцен—особенность театра Дикого.

Самое существенное в его театре—решение почерка каждого драматурга. Дикий ощущает и мыслит о них по-своему, категорически отказываясь путать Шолом-Алейхема с Бабелем, Вишневого с Файко и Сухово-Кобылина с Лесковым. Театр для Дикого—самодовлеющее искусство синтетических форм, имеющее право на субъективно восприятие драматурга. В этом субъективизме долженствованием для Дикого является намерение понять автора и в спротивности его на сцене языком его стиля.

Наше непрерывное упоминание о театре Дикого может гонимиться ересью или оговоркой для многих театралов, которым известно, что Дикий работает в Малом театре, руководит театром ВЦСПС, строит и создает свою мастерскую и не отказывается в своей режиссерской помощи периферийным театрам.

Творчество Дикого разбросано по многим сценическим площадкам. Но мы упорно настаиваем на нашей отправной мысли, что его спектакли, осуществленные в разных местах, утверждают единый театр, объединенный почерком, мироощущением и стилистическими особенностями вдохновенного мастера.

САМУИЛ МАРГОЛИН

Театр ВЦСПС. „Вздор“. 1-я картина.